

“Самопроизвольно вошли в состав Русского государства”

Владимир Иванов,
доктор исторических наук

1. Улус Золотой Орды

Как показывает историческая картография Волжской Болгарии, территория расселения башкирских племен в состав этого государства никогда не входила. Более того, как гласит башкирское предание, записанное профессором Г.Б.Хусаиновым в Илишевском районе Башкортостана, древнебашкирские племена жили на значительном удалении от болгар (пятнадцать-двадцать дней пути), ограничивая свои контакты с ними торговым обменом, предметом которого были мед и меха. Тем не менее Р.Г.Кузеев считает, что западные башкирские роды и племена, такие как еней, гайна (тархан), буляр, таньп, юрми, формировались при непосредственном участии болгаро-мадьярских (а вероятнее всего – просто угорских) этнических групп, на рубеже I–II тысячелетий н.э. живших в низовьях реки Белой и по восточным окраинам Волжской Болгарии. И, очевидно, именно они поздней осенью 1223 года, племена, объединенные общим этнонимом “бачжигат”, вместе с волжскими болгарями одними из первых скрестили свои мечи с монгольскими войсками полководца Субедея-Баатура, посланного Чингисханом, как сказано о том в написанной в 1240 году “Тайной истории монголов” (по-китайски – “Юань чао би ши”) “в поход на север с повелением идти до одиннадцати стран и народов, как то: Канлин (кангли. – Авт.), Бачжигит (башкиры), Оросут (русские), Мачжарат (мадьяры-венгры), Асут, Сасут (осетины), Сергесут (ясы-черкесы), Кешимир, Рарал [Лалат] (аланы?), перейти через многоводные реки Идил (Волга) и Аях (Аих, Яик), а также идти до самого города Кивамен-кермен (Киев)”.

Выполняя приказ своего повелителя, монголы в 1220 году, обойдя с юга Каспийское море, вторглись в Агванию и Арран (Армения и Азербайджан). Объединенное армяно-грузинское войско встретило их у слияния рек Куры и Алазань, но было разбито. После этого монголы двинулись на Дербент. Пройти через Дербент не удалось, но высланные навстречу дербентские парламентарии были захвачены и под страхом смерти показали перевалы через Кавказский хребет. Жившие в северных предгорьях Кавказа аланы и осетины пытались объединиться с кыпчаками-половцами, кочевавшими в степях Северного Кавказа. Подкупив миротворческими обещаниями половецких вождей, монголы разрушили намечавшийся союз, а затем поодиночке разбили и

осетин с аланами, и недальновидных половцев. После этого была погоня за отступавшими половцами к границам Киевской Руси и знаменитая своим трагизмом битва 31 мая 1223 года на реке Калке, закончившаяся страшным разгромом русско-половецкого войска.

После этой победы и разграбления половецких причерноморских, южнорусских и нижневолжских земель 30-тысячная монгольская армия повернула на Волжскую Болгарию, но здесь ее ждал жестокий разгром. Как свидетельствуют средневековые авторы (Аль-Омари, Ибн аль-Асир), болгары вместе с союзными им “бачжигитами” и половцами-саксинами, бежавшими от монголов с Нижней Волги, устроили завоевателям грандиозную засаду, окружили и наголову разбили их. Или, как писал Ибн аль-Асир: “Устроили засады, выступили против них, встретились с ними и заманили их до тех пор, пока они (монголы) зашли за место засад, напали на них с тыла, так что они остались в середине; поял их меч со всех сторон, перебито их множество и упелели из них только немногие...” Исследователь А.Х.Халиков полагает, что произошло это где-то в районе Самарской Луки.

После этого состоялись еще две попытки завоевания Волжской Болгарии, в 1229 и 1232 годах, но обе неудачные, поскольку дальше реки Яик, где у болгар были сооружены засечные линии и стояли аванпосты (“болгарские сторожевые”), монголы не прошли. И очевидно, причиной этого была не только мощь болгарских рубежей, но и упорное сопротивление, которое оказывали завоевателям нижневолжские кыпчаки-половцы (саксины) и приуральские башкирские племена. Об этом очень скупно и сдержанно говорится в “Тайной истории” монголов: “...Точно так же он (Угдей, ставший великим монгольским ханом после смерти Чингиса в 1227 году. – Авт.) отправил в поход Бату, Бури, Мунке и многих других царевичей на помощь Субеетая, так как Субеетай-Баатур встречал сильное сопротивление со стороны тех народов и городов, завоевание которых ему было поручено еще при Чингисхане, а именно – народов Канлин, Кибчаут, Бачжигит, Орусут, Асут, Сесут, Мачжар, Кешимир, Сергесут, Булат...” И более красочно – в башкирских исторических преданиях и легендах: о бое на Тимеровском хребте, о карагай-атайском батыре Биксуре, о кыпсаком батыре Бошмане (Бачмане), о катаяском егете Сурамане и его сыновьях Акмане и Токмане.

В 1235 году состоялся Великий курултай монгольских ханов, на котором было принято окончательное решение о завоевании западных стран. По предложению Чагатая, второго сына Чингисхана, в этот поход были отправлены 11 старших

царевичей-чингисидов со своими войсками и несколько нойонов, включая и Субедяя-Баатура с 30-тысячной армией. Если учесть, что каждый царевич-чингисид имел под своим началом не менее "тьмы" (10 тысяч воинов), не трудно представить, какая армада собралась осенью 1236 года у границ Волжской Болгарии, и слова персидского историка того времени – Жувейни – о том, что "от множества войск земля стонала и гудела" не кажутся слишком преувеличенными.

Перед такой армадой не смогли устоять ни волжские болгары, ни башкиры, ни русские княжества, и поэтому осень–зиму 1236/37 года мы можем с полным основанием считать временем реального завоевания монголами приуральских и поволжских народов, завершившегося включением их в состав нового государства Восточной Европы – Улуса Бату, позже получившего название Золотой Орды. Территориальное и административное оформление этого государства произошло в 1242–1243 годах, после возвращения хана Бату из его знаменитого похода на Южную Русь и Центральную Европу.

Появление этого государства повлекло за собой существенные изменения в этнокультурной карте Волго-Уральских степей, вызванные административной политикой монгольских ханов. Дело в том, что все завоеванные земли ханы сразу же превращали в свои владения – "улусы" или "юрты". Территория Золотой Орды, простиравшаяся от низовьев Дуная до Алтая и Балхаша, была в свою очередь поделена еще на двадцать более мелких улусов, среди которых центральным и едва ли не самым крупным являлся личный улус хана Бату, включавший в себя все левобережье Среднего и Нижнего Поволжья, а также территорию Волжской Болгарии и современного Башкирского Приуралья к югу от реки Белой. В первые годы существования Золотой Орды, до основания города Сарай на Нижней Волге (так называемое Селитренное городище в Астраханской области), даже и резиденция Бату находилась в городе Болгаре.

Управлялись улусы назначаемыми ханом наместниками – улусбеками, в чьих руках находилась вся полнота военно-административной власти, а территория улуса в свою очередь делилась на более мелкие "области" во главе с эмирами или биями. История не сохранила нам имен улусбеков, в чьем ведении находились Волжская Болгария и земли башкирских племен. Но зато благодаря башкирским историческим преданиям и родовым шежере, мы знаем имена нескольких башкирских биев: юрмантинского Тухал Шагили и усерганского Муйтэна, правивших своими племенами во времена Золотой Орды. Из этих источников, кстати, становится ясно, что звание бия было наследственным.

Важным социально-культурным последствием вхождения башкир в состав Золотоордынского государства, безусловно, является распространение в их среде, начиная с XIV века новой религии – ислама, ставшего при хане Узбеке (1312 – 1341) государственной религией Золотой Орды. Очевидно, еще при жизни этого хана в Башкирию был направлен мусульманский судья – *кади*, по словам Аль-Омари, "пользующийся почетом", и мусульманские проповедники. Имя одного из них, Хаджи Хусейнбека сына Омарбека из Туркестана, скончавшегося в 1339 году, дошло до нас, благодаря

эпитафии, высеченной на камне, установленном в мавзолее, ныне находящемся на окраине поселка Чишмы.

Удаленная от крупных городских центров и основных торговых путей башкирская земля являлась периферией Золотой Орды, жившей по своим внутренним законам и традициям. Здесь не было городов и феодальных замков, которые одним фактом своего существования могли бы нарушить плавное течение общественной жизни. Отношения башкирских племен с ордынским центром ограничивались, по-видимому, регулярной выплатой дани, а тот, кто не стеснялся разорительными, чтобы подорвать экономические, социальные и в конечном счете этнические основы башкир. И даже ордынская политическая смута ("ордынская зямантия") с начала 60-х годов и до конца XIV века сотрясавшая государство, шла как-то мимо южноуральских башкир. Ни в одном из исторических преданий нет даже намека на участие башкир в смутах Золотой Орды. Но вот когда на политической арене остались две реальные силы – шейбанидский царевич Тохтамыш и – вначале его патрон, а затем враг – самаркандский эмир, знаменитый Тимур Тамерлан, война своей тяжелой пятой ступила и в пределы башкирских кочевий.

К началу 80-х годов, опираясь не только на поддержку, но и на войска Тимура, Тохтамыш делает головокружительную политическую карьеру, из никому ненужного царевича-изгоя превратившись в полновластного правителя Золотой Орды. Он разгоняет или ликвидирует всех возможных соперников в борьбе за ханский престол, вновь присоединяет отколовшиеся было стараниями эмира Мамай западные области государства – Улус Ногай, окончательно добывает Мамай после его поражения на Куликовом поле, а в 1382 году совершает победоносный поход на Москву.

Но после этого в их отношениях с Тимуром наступает негативный перелом. Тот рассчитывал иметь в лице Тохтамыша послушного вассала, но никак не владыку. Не устранила Тимура и сама Золотая Орда в качестве сильного самостоятельного государства. Тем более что сам Тохтамыш, окончательно уверовав в свои силы и пользуясь затянувшимся походом Тимура в Иран, в 1388 году совершает набег на Бухару. Раздраженный его действиями Тимур оставляет все свои дела на Востоке. В феврале 1391 года войско Тимура двинулось дальше на запад через степи современного Казахстана. Тохтамыш стремительно отступал.

В конце 1391 года армия Тимура вышла на левый берег Яика где-то в районе современного города Орск. Опасаясь засады у известных бродов, Тимур двинулся вверх по реке, где и форсировал ее, оказавшись, таким образом, в пределах современного юго-восточного Башкортостана. Через неделю в бассейне реки Самары войско Тохтамыша было достигнуто и 18 июня на берегах реки Кундуручи, на территории современной Куйбышевской области, состоялось генеральное сражение. Армия Тохтамыша потерпела полный разгром. Остатки ее преследовались вплоть до Волги.

Применяя разработанную еще Чингисханом тактику "облавной охоты", когда в стороны от маршрута движения основного войска рассылались многочисленные воинские отряды, Тимур управляет такие отряды и в пределы приуральских

2. Под ногайской пятой

башкирских кочевий. В башкирском историческом предании “Последний из Сартева рода” в красочной поэтической форме рассказывается о трагической судьбе одного из башкирских родов, полностью погибшего в неравной битве с воинами (барласами) Тимура, и о жестокой мести, которую учинили захватчикам последние из оставшихся в живых батыров этого рода. По преданию, именами двух павших башкирских батыров – Кармасана и Сермасана (Чермасана) – названы два левых притока реки Белой.

Разгром Тохтамыша на Кундурче, а затем последовавший в 1395–1396 годах сокрушительный поход Тимура по золотоордынским городам Нижнего Поволжья окончательно подорвали могущество Золотой Орды и ускорили ее распад. Процесс этот завершился к середине XV века образованием на бывшей территории Батыева Улуса самостоятельных и зачастую враждебных друг другу государств: Казанского, Астраханского, Крымского и Сибирского ханств и Ногайской орды. Южный Урал и территория современного Башкортостана оказались расчлененными между тремя владениями: низовья реки Белой, бассейна рек Большой Ик, Сюнь, База, Чермасан и Кармасан, то есть земли, которые в поздних русских летописях назывались “Беловоложской землей” (“Белой Воложкой” русские называли реку Белую-Агидель), вошли в состав Казанского ханства, восточные границы которого временами достигали устья реки Уфы; зауральские башкиры, кочевавшие между Яиком и Тоболом, были присоединены к Сибирскому ханству; большая же часть современного Башкортостана, до слияния рек Белая, Дёма и Уфа, была захвачена ханами Ногайской орды – обширного кочевого Кавказа до юга Западной Сибири, со столицей в городе Сарайчик, развалины которого и по сей день известны недалеко от города Гурьева, что в низовьях Урала.

Ногайцы, или ногаи – кыпчакские племена, составляли основное население Золотой Орды. В 60-е годы XIII века основная масса кыпчаков стягивается под знамена темника Ногая, который вскоре становится фактически независимым ханом и до своей гибели в 1300 году проводит самостоятельную политику, периодически воюя то с иранскими Хулагуидами, то с нижеволжскими Джучидами. Его потомки принимают самое активное участие в “ордынской замятне”, выступая претендентами на престол в Сарае, а после Тимурова погрома становятся главной военно-политической силой в восточноевропейских степях. Большая Ногайская орда по многим своим показателям являлась преемницей Золотой Орды, а потому по своему военно-административному членению также делилась на улусы или орды. В первой половине XVI века таких улусов было три: улус Касыма, включивший в себя степи Северного Кавказа, улус Шидяка – в степях Волго-Уральского междуречья и улус Шейх-Мамая, занимавший юг Западной Сибири. Территория современного Башкортостана была поделена между улусами Шидяка и Шейх-Мамая, граница между которыми проходила как раз по хребтам Южного Урала.

Эти крупные орды в свою очередь делились на более мелкие улусы со своими мурзами или ханами. Башкирские исторические предания в шежере донесли до нас имена некоторых ногайских ханов, в XV – первой половине XVI века правивших в Башкирии: Басман, Алтакар, Акназар, Измаил и Ахмет-Гирей, которому суждено было быть последним ногайским ханом в Башкортостане.

Семья башкира в начале нынешнего столетия
Фотография из первой монографии о башкирах
профессора С.И.Руденко (1906 г.)

Кочуя между Каспием и Уральскими горами, ногайские ханы, как считают многие историки, на территории современного Башкортостана имели свои ставки. В частности, башкирские предания и легенды одну такую ставку помещают в пределах современной Уфы (Уфимское или "Чертово" городище на территории санатория "Зеленая роща"). Другие подобные же укрепленные ставки, очевидно, находились на городище Кара-Абыз под городом Благовещенском и "Чертовым городище" под Бирском. При раскопках Кара-Абызского городища, в частности, были найдены явно поздние вещи и даже московская монета XVI века.

Ногайские ханы и мурзы, находясь в беспрестанных междоусобицах, в своих улусах не чувствовали себя достаточно прочно, а потому откровенно разоряли и грабили подвластных им башкир. Дошедшие до наших дней, благодаря записям П.И.Рычкова, отрывки из башкирской исторической хроники, рассказанной старшиной Кыдрасом Муллакаевым, повествуют о жестоких притеснениях, испытываемых башкирами от ногайских властителей, в частности – от хана Акназара, который "всячески их изнурял и в бессилие приводил; ибо на три двора по одному токмо котлу иметь допущал и как скот и пожитки, так и детей их к себе отбирал, и землями владел, також и через реку Белую переходить не допущал, а кои звероловством промышляли, принуждены были платить ему за то ясак с каждого человека по лисице, по бобру и по кунице".

Не лучшим было и положение башкир, находившихся под властью Казанского ханства. Кроме разнообразных и многочисленных видов ясака, который жителям "Беловолжской земли" приходилось регулярно вносить в казну татарского хана, им довелось еще и участвовать в войнах между Казанью и Москвой, со второй половины XV века ставших довольно частыми. В 1469 году, например, как сообщает русская летопись, казанский хан Ибрагим для отражения первого русского похода на Казань мобилизует подвластных ему прикамских финно-пермяков и башкир ("царь казанский Обрем со многими силами и с ордами совокупился, со Сыплинскою и с Костяцкою из Беловолжскую"). И хотя русский натиск с запада казанцам удалось отбить, но устюжская рать воевод Андрея Меньшого и Семена Сабурова, опустившись по Вятке, "повоевала" казанские владения на Каме и "Белой Воложке". И это был не первый набег русских войск на восточные окраины Казанского ханства. "Патриаршая или Никоновская летопись" под 1468 годом также сообщает о походе устюжской рати под командованием воеводы И.И.Глухого на Каму и "Белую Воложку", который был предпринят в качестве реванша за казанский набег на крепость Кичменгу на реке Юг.

Таким образом, еще задолго до взятия Казани войсками Ивана Грозного западные башкиры имели возможность убедиться в растущей военной мощи Московского государства. Это не могло не отразиться на умонастроениях башкирских биев и родовых старшин. Во всяком случае ни в башкирских шежере, ни в русских летописях середины XVI века нет ни малейшего указания на участие башкир в обороне Казани осенью 1552 года. Более

того, те же шежере сообщают о том, что даже мобилизованные для защиты ханской столицы башкирские воины отказались сражаться против русских и вернулись на родину, а кара-табынский бий Исян вообще поднял своих батыров на восстание против казанского наместника Чуртмак-хана, который собирался вести башкир под Казань*.

Башкиры действительно были в числе первых, кто положительно откликнулся на жалованные грамоты, посланные Иваном IV сразу же после взятия Казани ко всем казанским "черным людям ясачным... чтобы шли к государю, а их государь пожалует, а они бы ясаки платили, якоже и прежним Казанским царям". И уже осенью 1554 года, как считают многие современные историки, западные башкирские племена по своему желанию, добровольно приняли подданство Русского государства. Поэтому, когда на территории Казанского ханства вспыхнуло большое антирусское восстание, вскоре превратившееся в войну за освобождение Казани (1553–1557), башкиры участия в нем также не приняли. Соответственно, и карательный 30-тысячный корпус воеводы Ивана Шереметева (в рядах которого находился и знаменитый князь Андрей Курбский), пройдя буквально огнем и мечом по территории ханства, остановился на Каме и в пределы башкирских кочевий уже не пошел.

При оформлении принятия башкирами русского подданства с обеих сторон выдвигались определенные условия. Башкиры обязались платить ясак пушниной и медом ("чем богата башкирская земля"), а также выделять воинов для царской службы, московский же царь признавал вотчинное право башкир на занимаемые ими земли, в том числе и те, которые были захвачены у башкир татарскими и ногайскими феодалами.

Башкирские послы просили, чтобы все эти условия были закреплены царской грамотой и чтобы грамоты были жалованы не вообще башкирам, а каждому роду или племени в отдельности.

Сравнительно мягкие условия, на которых западные башкиры вошли в состав Московского государства, побудили к такому же решительному шагу соседствующих с ними башкир племени Мин, занимавших обширную территорию по долине реки Дёмы, включая и границы современной Уфы. Во время покорения русскими Казани башкиры-минцы подчинялись ногайскому хану Турэ Баба Туклясу, ставка которого находилась на территории нынешней Уфы, и двум ногайским мурзам Аксак-Килимбету и Кара-Килимбету, кочевавшим по рекам Дёме и Уршаку. Услышав о падении Казани и "убояся" натиска русских, Турэхан откочевал дальше на восток, в окрестностях современного Стерлитамака. Там, возле горы Туратау, как гласит предание, он построил себе ставку, укрепленную земляными валами. Остатки этой ставки в 80-е годы XIX века наблюдал и обследовал уфимский краевед Р.Г.Игнатьев. Новые тревожные слухи об успехах русского оружия заставили Турэхана

* Неизвестный автор первой "Истории города Уфы", написанной в XVIII веке, выразился достаточно образно, сказав, что башкиры – "самопроизвольно вошли в состав Русского государства".

Монумент Дружбы в Уфе.

Дата – 1557 год – год вхождения Башкирии в состав Русского государства.

Монумент открыт в 1957 году

бросить и эти места и уйти совсем далеко на юг, на Кубань и Северный Кавказ.

Откочевка ногайцев из Башкирии не была мирной. Мурзы пытались силой увести с собой подвластных им башкир. На этой почве среди минских башкир вспыхнуло антиногайское восстание под предводительством Канзафара-бия. И хотя часть башкир, поддавшись уговорам ногайских мурз, ушла вместе с ними на Кубань, но в массе своей минцы все-таки приняли сторону Канзафара и не покинули родных мест. Зимой 1554/55 года посольство знатных минцев во главе с Канфазаром-бием и родовыми старейшинами Чублеком, Урманом и Туманом (или Тенекеем) на лыжах прибыл в Казань, где был принят русским правительством "очень милостиво".

Вслед за минцами, примерно в то же время, подданными московского царя становятся восточные соседи минцев – башкиры племени Юрматы. Юрматынцы занимали в то время значительную территорию в центре современного Башкортостана, кочуя по обоим берегам среднего течения реки Белой и ее притокам – Куганаку, Ашкадару, Зилиму, Селеуку, Тибрюку и Тору. Юрматынские кочевья входили в улус ногайского мурзы Ядкара, который, уходя из Башкирии, также стремился увести с собой как можно больше подвластных ему башкир. Однако этому воспротивились племенной вождь юрматынцев Бурнак-бий и его сын Татигас-бий. После ухода ногайцев и присоединившихся к ним наиболее зажиточных башкир Татигас-бий

вместе с представителями трех юрматынских родов Азнаем, Ильчектимером и Кармышем, как глашатаи шежере, “ходили в Казань, где преклонили головы белому царю”.

3. Под скипетром “белого царя”

Движение за принятие русского подданства, начавшееся среди западных башкир, через минцев и юрматынцев вскоре докатилось и до других племен южной и юго-восточной Башкирии – Бурзян, Кыпсак, Тамьян и Усерган, чьи кочевья простирались на обширной территории Южного Урала и Зауралья, включая и бассейны среднего течения реки Урал до его западной излучины. Накануне принятия русского подданства эти племена составляли улусы ногайского мурзы Бусая и его бия Ак-Тулша, в памяти башкир оставшихся как жестокие притеснители подвластных им башкирских племен. Поэтому, когда бурзяне, кыпчаки, тамьянцы и усерганы в своем бедственном положении дошли “до последней черты”, они объединились вокруг своих предводителей – биев Бикбау, Мушавали Каракузья, Иске и Шагалия Шакмана – и встали против ногайцев. Как повествует шежере: “Когда невыносимы стали несчастья и угнетения, отсутствие справедливости и многочисленные поборы, которые одни башкиры испытывали от Бурсай-хана, другие – от этого ногайского мурзы или его бия Актуша, мы схватили Бурсай-хана и его Актуша и доставили их Хану России Ивану Васильевичу”. После чего, “на третьем году после взятия Казани”, предводители четырех зауральских башкирских племен” ездили в Казань к государю царю и великому князю Ивану Васильевичу и просили о принятии с родами в подданство и о размежевании земель”.

В 1555 году, с присоединением к Русскому государству юго-восточных башкир, большая часть современного Башкортостана вошла в состав России. В 1556 и 1557 годах подданство русского царя приняли башкиры-табынцы, кочевывавшие в среднем течении реки Белой и их восточные соседи – башкиры кудейского племени, проживающие на северо-востоке Башкортостана, чем фактически завершилось присоединение основной части Башкирии к Русскому государству.

Управление Башкирией осуществлялось из приказа Казанского дворца, созданного сразу же после завоевания Казанского ханства. Территория края составляла Уфимский уезд, который, в свою очередь, делился на четыре “дороги” (области): Ногайскую, Казанскую, Сибирскую и Осинскую, соответствовавшие прежним владениям Казанского, Сибирского ханств и Ногайской орды. Дороги делились на волости, а те распадалась на роды (аймаки или тыбы). Население уезда непосредственно подчинялось власти казанских воевод и наместников.

Но управлять столь обширным уездом из далекой Казани было трудно и неудобно. А отсутствие на территории Башкирии городов с постоянными гарнизонами делало практически невозможной защиту этой территории от нападений враждебных кочевников, тех же, например, ногайцев, которые не теряли надежды взять реванш за свой уход из Башкирии. Несколько позже к ним присоединились киргиз-кайсацкие (казахские) мурзы и калмыцкие тайши. Большую опасность для вновь приобретенных территорий Русского государства представ-

лял и сибирский хан Кучум, не желавший мириться с потерей своих владений в Башкирии.

Вот почему в 1573 году башкиры обратились к царю Ивану Грозному с просьбой о строительстве на их земле города. П.И.Рычков, ознакомившись с башкирскими историческими преданиями и шежере, так писал об этом событии: “По достоверным выправкам нашлось, что башкиры о построении своего города челобитье свое имели в 7081 году (то есть от Рождества Христова 1573) не только для того одного, чтобы им положенный на них ясак тут, как внутри их жилищ, платить было льготнее, но и от неприятелей бы иметь им здесь убежище и защиту”. Подобным же образом освещается это событие и в шежере юго-восточных башкир: “Башкирцы стали просить царя, чтобы для отражения набегов... и для удобства взноса ясака дозволено было на их земле построить город”.

Идя навстречу пожеланиям башкир, царь в 1560 году направляет в Башкирию дворянина Ивана Артемьева для выбора места под новый город (“для очерчивания и построения города Уфы”). Место под город было “очерчено” на правом берегу реки Белой Воложки, недалеко от устья реки Уфы, на мысу, образованном оврагами и руслом шумной и живописной (но ныне бесприсветно загаженной сточными водами) речушки Суколоки (русские поселенцы стали называть ее Суколока), где спустя 14 лет, в 1574 году, отрядом московских стрельцов воеводы Ивана Нагого был заложен дубовый кремль (“Имэн-кала”, как его называли окрестные башкиры), ставший ядром будущего города. Кремль занимал южную оконечность мыса при впадении речки Суколоки в реку Белую и первоначально представлял в плане ломаный четырехугольник общей площадью не более 1,2 га, обнесенный тыном из вертикально поставленных дубовых бревен. Общая длина стен равнялась 440 метров. Усиливался тын, или палисад, тремя рублеными из дуба башнями: проезжими Михайловской, через которую проходил въезд в кремль с севера, и Никольской, ворота которой выводили на юг, к речному берегу, и “глухой” Наугольной, являвшейся сторожевой, с которой велось наблюдение на северо-восток, в сторону Сибири. В центре кремля, там, где сейчас возвышается монумент Дружбы, в 1579 году была построена вначале деревянная церковь во имя Казанской Божьей Матери, явившейся в этом месте за 20 лет до основания церкви. В начале XVII века Казанская церковь была разобрана и вместо нее построена каменная Троицкая церковь, в конце XVII века, после прибытия в Уфу на руках сосланных сюда из Смоленска опальных дворян иконы Семозерной Божьей Матери, переименованная в Смоленский собор. С незначительными перестройками это самое первое каменное здание Уфы простояло до июня 1957 году, когда по приказу тогдашних “отцов города” было взорвано “как аварийное”.

Южнее церкви располагались хлебный склад и пороховые погреба; севернее – воеводский дом, приказная изба и острог. У восточного подножия кремлевского холма, по правому берегу речки Суколоки, возник посад, ставший впоследствии самой первой городской улицей – Посадской, а сразу же за речкой начинались поля и огороды служилых людей.

Добровольное вхождение башкир в состав Русского государства и основание первого настоящего города на территории края открыло новую главу не только в истории башкирского народа, но и других многочисленных народов Урало-Поволжского региона.

Сабантуй — душа народа

